

РУКОВОДСТВО Д Л Я СЕЛЬСКИХ ПASTЫРЕЙ.

Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. Иоан. 10, 11.

Внимай себя и ученію: и пребывай въ нихъ: сія бо творя, и самъ спашешия и послушающіи тебе. 1 Тим. 4, 16.

№ 18.

1860.

Юня 29-го.

Содержаніе: О русскомъ переводѣ св. писанія. — Свѣдѣнія о ео-
стоящій раскола въ кievской епархіи.

О РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СВ. ПИСАНІЯ.

„НЕ ОТЪ ПРИСТРАСТІЯ КЪ РУССКОМУ ПАРѢЧІЮ
„ПРОИСХОДИТЬ МОЯ ЗАБОТА, НО ОТЪ ЖЕЛАНІЯ, ЧТОБЪ
„ВСЬ НАРОДЪ ИМѢЛЪ СВОБОДНЫЙ И УДОБНЫЙ ДО-
„СТУПЪ КЪ РАЗУМНІЮ СЛОВА БОЖІЯ, ДАБЫ СВ.
„БИБЛІЯ СЕЮ ВРАЗУМИТЕЛЬНОСТІЮ ОБРАЩАЛА УМЫ И
„СЕРДЦА НА СТЕЗИ СВѢТА И ИСТИНЫ.“

*Изъ писемъ покойнаго архимандр. Макарія,
бывшаго начальника алтайской миссіи.*

Наконецъ мы имѣемъ радость читать св. писаніе на русскомъ языкѣ. Недавно вышелъ новый переводъ четырехъ св. евангелій; еще прежде издавъ переводъ книги Иисуса сына Сирахова, теперь печатается книга пр. Исаіи (¹). Въ непродолжительномъ времени выйдетъ переводъ

(¹) Евангеліе издано, по благословенію св. Синода, въ настоящемъ году; кн. премудрости Иисуса сына Сирахова — въ про-

прочихъ св. книгъ новаго завѣта и книги Іова. Вѣроятно, не замедлятъ появленіемъ переводы и другихъ ветхозавѣтныхъ св. книгъ.

Кто не пожелаетъ скорѣе видѣть окончаніе этого огромнаго, благотворнаго труда, который по необходимости совершается медленно, со всею должною внимательностію! Внимательность къ дѣлу столь важному побудила начать новый переводъ съ пересмотра св. книгъ новаго завѣта, прежде (1819 г.) переведенныхъ на русскій языкъ. Къ этому, безъ сомнѣнія, побуждало между прочимъ и то, что новый завѣтъ есть употребительнѣйшая часть св. писанія, потребность коей въ русскомъ переводѣ ощущается естественно прежде всякой другой части книгъ ветхозавѣтныхъ.

Различія между новымъ переводомъ и прежнимъ почти нѣтъ, но нельзя умолчать объ особенномъ достоинствѣ послѣдняго перевода, собственно по отношенію къ читателямъ русскимъ. Прежній переводъ имѣлъ въ виду преимущественно греческій текстъ, и тамъ, гдѣ рѣчь представлялась сжатою, употреблялъ небольшіе перифразы. Въ нынѣшнемъ переводѣ, болѣе буквально, не смотря на чистоту, такъ сказать, свѣжесть языка, замѣтно желаніе, сколько можно, приближаться не только къ греческому, но и къ славянскому тексту, что дѣлаетъ почти не нужнымъ совмѣстное печатаніе текста славянскаго, котораго нѣкоторые желали, чтобы имѣть возможность свѣрять переводъ русскій и вспоминать чтеніе евангелія въ церкви.

Переводъ книги Іисуса сына Сирахова нѣсколько отличается по своему методу отъ перевода евангелій. По самому

шедшемъ 1859 г.; книга пр. Ісаиіа напечатана въ Правосл. обозрѣніи, № 4, 5 и 6.

содержанію книги, состоящей изъ краткихъ, отрывочныхъ изрѣченій практической мудрости, и потому написанной слогомъ сжатымъ, во многихъ мѣстахъ, для большей ясности, переводчикъ долженъ былъ прибѣгать къ перифразамъ, впрочемъ нисколько не измѣняющимъ смысла и тона рѣчи подлинника. Замѣтно впрочемъ, что переводчикъ старался, сколько возможно, передавать рѣчь буквально. Особенное достоинство этому переводу придаетъ то, что онъ снабженъ примѣчаніями и объясненіями. Конечно, эта книга, содержащая мудрыя наставленія, понятныя всѣмъ, и, не смотря на древность ихъ, до такой степени въ большей части удобоприложимы и теперь, что, кажется, будто читаешь наставленія современнаго мудраго старца, — менѣе другихъ нуждается въ объясненіяхъ, состоящихъ изъ простыхъ перифразовъ, которые только ослабляютъ мысль текста; но нельзя сказать того же о примѣчаніяхъ историческихъ и указывающихъ на сходство или различіе мыслей мудреца сврейскаго съ мыслями философовъ греческихъ, и особенно — богооткровеннаго ученія новозавѣтнаго. Въ этомъ отношеніи остается пожелать, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ книги сына Сирахова было сдѣлано болѣе указаніе параллельныхъ мѣстъ въ другихъ св. книгахъ. Нельзя не пожелать, чтобы и прочія книги ветхаго завѣта, по крайней мѣрѣ, по окончаніи всего перевода, снабжены были объясненіями, необходимыми для многихъ.

Будемъ надѣяться, что прекрасное начало увѣичается такимъ же окончаніемъ.

Нѣтъ нужды доказывать высокое значеніе этого дѣла. За пользу перевода св. писанія на русскій языкъ ручается то, что онъ начатъ и продолжается по благословенію и подъ непосредственнымъ надзоромъ св. Синода, за общее сочувствіе къ нему — то, что издавна чувство-

валась и высказывалась потребность перевода св. писанія на общенародный языкъ, и едва только прошелъ слухъ о возможности осуществленія этого желанія, всѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать его. Но нельзя не обратить вниманія на нѣкоторую особенность этого дѣла. Русскій переводъ является позже всѣхъ переводовъ на европейскіе языки, и вовсе не тѣмъ путемъ, какимъ появились другіе народные переводы въ Европѣ. Въ обоихъ этихъ явленіяхъ заключается не малое преимущество нашего новаго перевода.

Давно, говоримъ, было желаніе имѣть переводъ св. писанія на томъ языкѣ, какимъ говоритъ образованная часть русскаго общества; но это было болѣе сознаніе стыда, которое еще въ прошломъ столѣтіи выражалъ Епифаній Славеницкій, говоря: «грѣхъ великій есть намъ словеномъ, православнымъ христіанамъ, и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, яко не имамы библии добрѣ переведенныя.» Въ сознаніе массы народа эта потребность не входила. То незначительное число простолюдиновъ, которое кое-какъ училось читать, довольствовалось безсмысленнымъ разбираіемъ, иногда заучиваніемъ, безъ всякаго пониманія, псалтири и часослова, по славянски. Иначе не могло и быть. Одинъ учившійся, изъ нѣсколькихъ тысячъ, имѣлъ въ виду, при этомъ машинальномъ ученіи, не то, чтобы вникать въ смыслъ читаннаго, и на основаніи этого построить свою жизнь; ему нужно было чтеніе и письмо, какъ и всякое другое ремесло, онъ могъ съ помощію этихъ средствъ, такъ же какъ и съ помощію другихъ, приобрѣсть кусокъ хлѣба или въ своемъ селѣ, работая въ конторѣ мѣстнаго управленія, или странствуя съ мѣста на мѣсто, въ качествѣ третьестепеннаго приказчика какого нибудь купца. Мысли о духовной, о прав-

ственной необходимости ученія не было не только у крестьянъ, но и у многихъ выше ихъ. Было время, когда ученье состояло только въ знаніи того, что было; не всегда одобрялось знаніе того, что есть, и рѣшительно осуждалось знаніе того, какъ должно бы быть; на всякую мысль, выходящую изъ ряда заученыхъ, смотрѣли подозрительно, а крестьянамъ прямо запрещалось учиться; такъ какъ лица заинтересованныя въ этомъ не ясно и смутно сознавали, что разумное ученіе не совмѣстно съ формою быта крестьянъ, въ то время казавшеюся законною. Слѣдовательно, если бы русскій переводъ книгъ св. писанія сдѣланъ былъ ранѣе, то онъ для массы народа прошелъ бы не замѣченнымъ; потому что для большинства учившихся въ чтеніи нужна была не мысль, а процессъ чтенія. При томъ безотчетное благоговѣніе къ славянскому языку въ изложеніи священныхъ истинъ не позволило бы сдѣлать русскаго перевода предметомъ народнаго изученія, и этотъ переводъ считался бы *господскимъ*, не совѣмъ, слѣдовательно, православнымъ. Пожалуй, въ этомъ была бы своя доля правды, какъ во всѣхъ сужденіяхъ народа. Съ одной стороны, господа не слишкомъ давняго времени рѣзко отдѣляли свои потребности отъ потребностей народа и болѣе дорожили мнѣніемъ о себѣ иностранцевъ, нежели народа, съ другой, — кто не знаетъ, какъ быстро въ теченіи какихъ нибудь 50 лѣтъ развились многія понятія въ русскомъ обществѣ, какъ только въ послѣднее время образованная часть общества сознала свою самостоятельность, умственную независимость отъ рабскаго подражанія иностранцамъ, сознала народность собственно русскую, а не безцвѣтную обще-европейскую? Если бы все св. писаніе было переведено ранѣе, то вѣтъ ничего мудренаго, что это было бы сдѣлано подъ вліяніемъ какой нибудь школы и везрѣній

не собственно-русскихъ. Самый языкъ лѣтъ за 20, за 30 до настоящаго времени, еще не установившійся, наводнялся множествомъ иностранныхъ словъ, вновь принимаемыхъ и не всегда прививавшихся къ народной рѣчи, и потому отражалъ бы въ себѣ только образъ возрѣвнiя одного текущаго поколѣнiя, и не годился бы уже для послѣдующаго.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь. Державная воля Государя одобрила и поощрила возможно большее распространенiе ученiя въ народѣ; народъ созналъ потребность учиться, уже не для того, чтобы зарабатывать грамотностию, какъ ремесломъ, но чтобы знать, чтобы думать, и тѣмъ заслужить благо свободы, учась пользоваться ею; образованныя лица изъ всѣхъ сословiй заявляютъ свое участiе къ дѣлу народнаго просвѣщенiя вкладами матеріальными, трудами литературными, безкорыстнымъ принятiемъ на себя обязанности учителей, распространителей не только грамотности, но и здравыхъ понятiй. Но на первомъ шагу благаго дѣла и учащiе и учащiеся почувствовали недостатокъ въ пособiяхъ къ такому ученiю, какое нужно для народа. Учащiеся жаждутъ и бросаются на все безъ разбора, отъ чего ученiе можетъ принести болѣе вреда, нежели пользы. Учащiе или вовсе упускаютъ изъ виду, что единственно, навсегда и во всемъ полезное, основное ученiе есть ученiе благочестiя и, вмѣсто него, передаютъ народу тѣ верхушки образованiя, какiя выработались не у насъ, не по сознанию дѣйствительной ихъ нужды для народа, а взяты готовые изъ странъ, не имѣющихъ ничего сроднаго съ нимъ, или, передавая ученiе вѣры, по уваженiю къ требованiю правительства, мало заботятся о томъ, чтобы эти непонятныя уму правила вѣры перевести въ жизнь народа, сдѣлать ихъ понятными и сознательно—любезными ему, и все вниманiе обращаютъ на распространенiе знанiй

такъ называемыхъ практическихъ. Наконецъ тѣ, которые, какъ должно, понимаютъ значеніе народнаго образованія, тяготеютъ недостаткомъ книгъ, которыя бы безопасно можно было дать въ руки народу, сознаваясь, что ихъ ожиданія, ихъ надежды на пользу книги, суда по ея названію, не разъ были обмануты самымъ непріятнымъ образомъ.

И вотъ, при такомъ-то положеніи дѣла, начинается выходить переводъ св писанія на русскомъ языкѣ, какъ бы именно для того, чтобы вѣремя дать народу наилучшее средство къ образованію. Нужно желать только, чтобы книги св. писанія сдѣлались какъ можно доступнѣе народу, и чтобъ народные воспитатели всякаго званія добросовѣстно воспользовались этимъ средствомъ. Нѣтъ нужды и говорить о священникахъ. Мы знаемъ, что тамъ, гдѣ дѣло будетъ зависѣть исключительно отъ нихъ, народъ скоро узнаетъ и полюбитъ это средство ученія, такъ полно и въ такой доступной простому уму формѣ открывающее ему все, что можетъ занимать душу не испорченную. Дай Богъ, чтобы и другіе сознали всю благотворность этого средства и поставили его не по формѣ только, а въ существѣ дѣла во главѣ ученія; тогда и все другое было бы безопасно и полезно. Можно ручаться, что въ такомъ случаѣ народъ не увлечется одними временными интересами знанія, но, имѣя твердую основу всякаго знанія, сумѣетъ освятить и похристіански употребить плоды своего ученія.

Не такъ давно дѣлались, да и теперь дѣлаются разныя предположенія о средствахъ къ нравственному воспитанію народа. Были люди серьезныя и добросовѣстные, которые предполагали, что для нашего простаго народа нужно сдѣлать настольною книгою переводы *Иліады* и *Одиссеи*; другіе, въ настоящее время, думаютъ поучать народъ разными баснями, сказками, пѣснями. Какая причина пред-

почтенія этихъ средствъ, какая цѣль употребленія ихъ, какія слѣдствія? Вѣдь нельзя же предполагать, чтобы этимъ выборомъ руководило одно слѣпое пристрастіе къ народно-языческимъ произведеніямъ. За несообразность такого предположенія ручается то, что эти средства указывали нерѣдко люди очень религіозные. Причина, кажется, въ томъ, что сознавалась и сознается сила вліянія старины на массу народа, которая всегда и вездѣ держится за старину. Но здѣсь было только упущено изъ виду, что это древность чужая, съ которою русскій народъ не имѣетъ ничего общаго, что на сказки и иѣсни народъ смотритъ, какъ на забаву дѣтскаго воображенія, а не какъ на поученіе для взрослыхъ. Не къ баснямъ и сказкамъ и до сихъ поръ обращался крестьянинъ, когда хотѣлъ учиться со смысломъ, а къ книгамъ божественнымъ, въ которыхъ не испорченнымъ умомъ создавалъ источникъ всякой мудрости. И если таковъ былъ взглядъ народа на св. писаніе тогда, когда половина его оставалась непонятною ему по самому языку, то что же ожидать теперь, когда это препятствіе будетъ устранено? Въ священныхъ книгахъ, переданныхъ на языкъ вполне понятномъ, народъ увидитъ и древность, превосходящую древность всѣхъ народовъ, и, что главное, ясно увидитъ то, чему онъ привыкъ вѣрить прежде, что эта древность не есть какой нибудь вымыселъ, а существенная истина. Значитъ, переводъ св. писанія на общенародный языкъ совершенно устраняетъ причину, по которой нѣкоторые отдавали предпочтеніе произведеніямъ древней народной фантазіи въ дѣлѣ образованія позднѣйшихъ поколѣній. Мимоходомъ замѣтимъ, какъ ни печально такое предпочтеніе, но за него строго нельзя винить; что же было дѣлать, когда книгъ, доступныхъ народу, лучшаго содержанія, очень мало, да и тѣ слишкомъ малоизвѣстны въ

обществѣ?—По неволѣ нужно было довольствоваться тѣмъ, что есть подъ руками. Но неприятно то, когда вмѣсто чего нибудь дѣльнаго, истинно поучительнаго, и теперь пишутъ для народа незначительные во всѣхъ отношеніяхъ повѣсти и рассказы. Народъ ищетъ ученія, а не забавы; онъ смотритъ на книгу, какъ на вещь священную.

Обыкновенно распространеніе мнимо-нравственныхъ истинъ въ такой формѣ основываютъ на томъ, что умъ неразвитый не можетъ понимать отвлеченныхъ истинъ, и потому эти истины нужно передавать ему въ образахъ, и притомъ самыхъ заманчивыхъ. Съ этою цѣлю и указываютъ на произведенія фантазіи, пригодныя будто бы для наученія народа. Теперь люди, искренно желающіе добра народу, могутъ вовсе устранить подобное средство воспитанія. Хорошій переводъ книгъ св. писанія, по разнообразію и содержанію и формы ихъ, можетъ удовлетворить уму всякаго настроенія; въ св. писаніи нѣтъ недостатка ни въ исторіи самой нужной для человѣка, ни въ образахъ и картинкахъ, ни въ отвлеченныхъ истинахъ. Мы не согласны съ тѣмъ, чтобы отвлеченныя понятія были достояніемъ только умовъ, развитыхъ школою и систематическимъ ученіемъ; они образуются еще лучше, безошибочнѣе умами простыми, но наблюдательными.

Зато и слѣдствія воспитанія, основаннаго на развитіи нравственнаго чувства, съ помощію повѣстей и фантастическихъ произведеній, самыя неудовлетворительныя, чтобы не сказать, печальныя. Неприятно говорить, но нельзя и умолчать, что въ нынѣшней сельскомъ населеніи лица, получившія воспитаніе по такой системѣ, большею частію люди самыя негодныя. Нѣсколько лучше изъ нихъ тѣ, которые, что называется, и отъ своихъ отстали и къ чужимъ не пристали,—эти только мучатъ самихъ себя ка-

кими—то бесплодными, идеальными стремлениями не столько внутренней, сколько внешней жизни; они все́мъ недовольны, и ими недовольны другіе, потому что они мало пригодные члены своего общества. Но есть другіе гораздо худшіе, которые, надмѣваясь своимъ мнимымъ образованіемъ, презираютъ свой кругъ, презираютъ не только понятія, но и добрыя наставленія отцевъ и матерей, и ведутъ жизнь самую беспорядочную. Въ сельскихъ обществахъ учившихся предпочтительно выбираютъ въ должности; но, по сознанию самихъ крестьянъ, для нихъ гораздо тяжелѣе должностныя лица изъ своего сословія, учившіяся подобнымъ образомъ. Конечно, это происходитъ отъ того, что подобное воспитаніе не полагаетъ твердой нравственной основы; оно не возвышаетъ, а только надмѣваетъ, сообщая воспитаннику понятіе о какомъ—то особенномъ бытѣ, въ которомъ все должно содѣйствовать его удовольствію, и не научая, что до подобнаго быта, если онъ возможенъ, достигаютъ тяжелымъ трудомъ и честною жизнью. Не то должно быть, если воспитаніе начнется и будетъ сопровождаться разумнымъ, понятнымъ для всѣхъ чтеніемъ св. писанія. Здѣсь поселанинъ, при добромъ внушеніи, найдетъ самую прочную основу доброй нравственности—въ волю Божіей; читая и дома рѣчь понятную, онъ увидитъ, что такія или другія требованія—не просто внушенія священника, а повелѣніе Божіе, за исполненіе котораго обѣщается несомнѣнная награда, часто и въ этой жизни и всегда въ будущей. Отсюда же онъ узнаетъ основное ученіе вѣры, которое послѣ не трудно будетъ объяснять ему и во всѣхъ нужныхъ подробностяхъ. Такое ученіе дѣйствительно облагородитъ крестьянина, возвыситъ въ немъ понятіе о нравственномъ достоинствѣ всякаго человѣка безъ исключенія; оно покажетъ ему и надлежащую цѣну всѣхъ другихъ знаній,

нужныхъ для удобства временной жизни. Въ слѣдствіе такого ученія большинство грамотныхъ крестьянъ сдѣлаются сознательно — добрыми христіанами и заслуживающими уваженіе членами гражданского общества.

Итакъ, повторяемъ, русскій переводъ св. писанія въ настоящее время является какъ нельзя благовременноѣ для народа, жаждущаго ученія и не всегда находящаго достойныя къ тому средства.

Другое преимущество позднѣйшаго предъ прочимъ появленія русскаго перевода состоитъ въ томъ, что этимъ самымъ онъ дѣлается свободнымъ отъ всѣхъ пререканій и возраженій, какія, въ свое время, были дѣлаемы противъ переводовъ на новѣйшіе языки вообще, и въ частности русскаго перевода. Теперь всѣ эти возраженія оцѣнены по достоинству.

Теперь уже никто не скажетъ, какъ говорили прежде, что языкъ славянскій преимущественно предъ русскимъ назначенъ для выраженія священныхъ истинъ. И до сихъ поръ въ народѣ сохраняется благоговѣніе къ славянскому языку, какъ языку, на которомъ онъ привыкъ слышать богослуженіе въ храмѣ, видѣть всѣ священныя книги. Но не много пужно усилія (если только нужно), чтобы объяснить самому простому человѣку, что священъ не языкъ, а то, что имъ выражается. Въ народѣ такъ живо пробудилось стремленіе къ уразумѣнію окружающаго, что онъ съ радостію встрѣтитъ слово Божіе на языкѣ понятномъ ему. Если въ храмѣ не бесполезенъ особенный языкъ, который бы самую вышнюю форму свою отдѣлялъ молящагося отъ всего ежедневнаго, житейскаго, то въ домѣ, для изученія, для видѣренія св. истинъ въ жизнь и понятія народа, нуженъ языкъ, который былъ бы совершенно понятенъ. Эта истина теперь признана всѣми, даже въ

храмъ требуютъ отъ священника, чтобы онъ въ своихъ поученiяхъ къ народу говорилъ языкомъ понятнымъ для всѣхъ.

Несомнѣнно, что въ нашемъ народѣ есть привязанность къ старинѣ, — это общее свойство низшаго осѣдлаго населенiя вездѣ, предохраняющее его отъ неразумнаго увлеченiя новизною, пагубнаго и для отдѣльных лицъ, тѣмъ болѣе для цѣлыхъ народностей, — но въ настоящее время едва ли можно встрѣтить привязанность къ старинѣ слѣпую, по которой бы народъ безусловно считалъ вреднымъ все новое. Цѣлый рядъ благодѣтельныхъ новыхъ мѣръ, которыя хотя еще и не дошли до народа, но уже болѣе или менѣе извѣстны ему, располагаетъ его къ довѣрiю правительственнымъ распоряженiямъ, клонящимся къ улучшенiю его быта во всѣхъ отношенiяхъ. Слѣдовательно, и въ сужденiи новаго перевода св. писанiя нельзя опасаться теперь, чтобы народъ встрѣтилъ его подозрительно, чтобы сталъ предпочитать исключительно переводъ славянскiй, какъ священный по древности. Особенно та часть народа, которая знакома съ раскольниками, зная, что главный пунктъ ихъ заблужденiя состоитъ въ безусловной привязанности къ старымъ книгамъ, которыхъ много изъ нихъ не понимаютъ, и видя у себя новыя, болѣе или менѣе понятныя всякому св. книги, можетъ разумѣть, что законное, умное новое лучше стараго испорченнаго, или непонятнаго. Люди грамотные изъ простаго народа могутъ знать, что славянскiй переводъ, который мы теперь имѣемъ, не всегда былъ таковъ, каковъ онъ теперь, что время отъ времени наши архипастыри, по крайней необходимости, заботились объ исправленiи языка св. книгъ, непонятнаго по старинѣ, или по ошибкамъ, зависѣвшимъ отъ переписчиковъ и неискуснаго печатанiя (Свѣдѣнiя объ этомъ они могутъ находить въ предисловiи такъ называемой Елисаветинской

библии, 1783 года, которая есть во многихъ церквахъ). Еще лучше они поймутъ, что не древность, а достоинство перевода освящаетъ его, когда узнаютъ, что и у единовѣрныхъ намъ славянъ — сербовъ и болгаръ, — отъ которыхъ русскіе въ первый разъ получили переводъ св. писанія, въ настоящее время въ церковномъ употребленіи не древній, никому, кромѣ ученыхъ, непонятный переводъ, а нашъ, какой и мы слышимъ въ храмахъ, для домашняго же употребленія у нихъ существуютъ переводы новаго завіта на ихъ народныхъ языкахъ.

Впрочемъ не одинъ простой народъ, и люди болѣе образованные съ сомнѣніемъ смотрѣли прежде на возможность русскаго перевода св. писанія. Имъ казалось, что языкъ, на которомъ мы привыкли выражать свои ежедневныя мысли, не имѣетъ довольно возвышеннаго, священнаго характера для того, чтобы на немъ передавать слово Божіе ('). Но съ распространеніемъ болѣе основательнаго

(') Конечно, такая заботливость о возвышенности слова Божія могла родиться у тѣхъ, которые считали русскій языкъ нужнымъ только для разговора съ прислугой, а слово Божіе желали поставить отъ себя въ некоторомъ отдаленіи, примравъ. Слава Богу, въ настоящее время едва ли можно встрѣтить подобныхъ понятій, подобныхъ желаній! Говоря о давнопрошедшихъ мѣсяцахъ касательно русскаго перевода, нельзя не вспомнить еще одного, поражающаго своего чудовищною несообразностію съ здравыми понятіями. Люди русскіе, читавшіе св. писаніе на иностранныхъ языкахъ, потому что не понимали славянскаго, боялись перевода св. писанія на русскій языкъ, потому что тогда простой народъ (для котораго они исключительно и назначали такой переводъ) увидитъ много исторій и картинъ, которыми можно, по ихъ сознанію, соблазняться; и потому предлагали переводы библии для народа съ пропусками, утѣшаясь тѣмъ, что простой народъ не замѣтитъ обмана. Обличать отжившее мѣше бесполезно. Теперь, когда столько заботятся объ исторической достовѣрности самыхъ незначительныхъ событій, едва ли кто ивѣдудъ, хоть нѣсколько образованный, позволить себѣ высказать подобное желаніе. Впрочемъ, нельзя не обратить вниманія на все лукавство этого предложенія.

образованія, всё начинаютъ понимать, что нѣтъ языка, на которомъ бы нельзя было передать самыхъ высокихъ божественныхъ истинъ, назначенныхъ не для одного какого нибудь народа или племени, а для всѣхъ, какими бы языкомъ они не говорили. Удачный опытъ переводовъ св

По видимому, ожиданіе и желаніе совершенно законное, чтобы въ книгѣ, содержащей слово Божіе, все было чисто, нравственно и свято. Но всмотритесь поближе въ это желаніе, и вы увидите тоже затаенное намѣреніе—удалить отъ себя слово Божіе, поставить его внѣ нашей ежедневной жизни. Что сказали бы эти самые ревнители, если бы человѣкъ самый уважаемый ими началъ ежеминутно повторять имъ: дѣлайте то, не дѣлайте этого? Не знаю, долго ли выдержало бы ихъ уваженіе въ такому человѣку. Если бы мы знали слово Божіе къ ангеламъ, то въ немъ вѣрно бы не увидѣли ничего оскорбляющаго щекотливую чувствительность и невинность людей, не соблазняющихъ дѣлами и мнимо-эстетическими описаніями, во сто кратъ горшими тѣхъ, о какихъ говорится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ писанія; но мы знаемъ только слово Божіе къ людямъ и о людяхъ. Какой прекрасный случай и заявить о своей скромности и оправдать себя передъ своею совѣстію и предъ людьми въ отдаленіи отъ св. писанія: „я не читалъ св. писанія, боясь соблазниться!“ Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ объ удовлетвореніи духовной потребности, то невольно думается, что подобная невинность внушается кѣмъ-то претворяющимся въ ангела свѣтла, чтобы удобнѣе удержать отъ спасительнаго чтенія слова Божія. По истинѣ подобная мысль можетъ притти въ голову только тѣмъ, кто *пробовалъ* читать св. писаніе, но никогда не читалъ, или тому, кто съ намѣреніемъ выбиралъ только такія мѣста, которыя, взятая отдѣльно, могутъ раздражать испорченное воображеніе (да, есть и такіе читатели св. писанія!). Но кто знаетъ хорошо св. писаніе во всемъ его составѣ, разумѣетъ его духъ и цѣль, тотъ никогда не скажетъ, что бы въ немъ была хотя одна черта соблазнительная. Св. писаніе не есть поученіе, назначенное для извѣстнаго класса общества, въ извѣстное и на извѣстное время; это — исторія, законъ, ученіе вѣковъ прошедшихъ для вѣковъ будущихъ. Что удивительнаго, что соблазнительнаго, если исторія временъ самаго крайняго нечестія представляетъ такія событія, которыя въ настоящее время, да и во всѣ времена кажутся возмутительными, не поучительными? Не говоря о томъ, что все это повторяется—и повторяется многими еще въ большей нечистотѣ, довольно сказать, что въ св. писаніи и такія возмутительныя исторіи повѣствуются не изъ-за удовольствія рассказать соблазнительный случай, а для того, чтобы объяснить и отдаленіе людей отъ Бога и причины

книгъ на самыя бѣдные языки и нарѣчія инородцевъ сибирскихъ и племенъ кавказскихъ показали, что нѣтъ языка, который бы унижилъ слово Божіе, который былъ бы недостаточенъ для него. Въ частности, по отношенію къ русскому переводу, ему особенно ради теперь потому, что понимаютъ, что чѣмъ священнѣе, чѣмъ выше истина, тѣмъ желательнѣе, чтобы она сдѣлалась полнымъ достоинствомъ человѣка, проникла и освятила всю жизнь его, а не стояла бы отдѣльно, какъ что-то чуждое, ему не всегда потребное. А это возможно только тогда, когда она выражается языкомъ общепонятнымъ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о тѣхъ сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ, которыя возбуждались нѣкогда мыслию о неизбѣжномъ различіи между переводами съ текстовъ еврейскаго и греческаго 70 толковниковъ. Было время, когда это возраженіе дѣйствительно имѣло силу, когда еврейскій текстъ у насъ знали преимущественно по переводамъ, дѣланнымъ съ разными цѣлями и въ древности и въ новѣйшее время. Но теперь, когда съ одной стороны, нѣтъ недостатка въ знатокахъ еврейскаго языка, съ другой, — и древнѣйшему между переводами, переводу 70 толковниковъ

гнѣва Божія и необходимость врачевства и искупленія. Что удивительнаго, если въ законѣ для народа грубаго плотскаго встрѣчаются такія постановленія, какія теперь инымъ кажутся неприличными и неумѣстными? — А для многихъ и многихъ они нужны и теперь! Это хорошо знаютъ священники — духовники народа. Предоставляемъ каждому здравомыслящему судить о характерѣ лицъ, хотѣвшихъ исправлять дѣло Божіе, указывать, что иное хорошо, а иное худо сказано въ словѣ Божіемъ, — о любви къ народу, которому они хотѣли оставить только одну мораль и исключить то, что можетъ быть и поучительно и утѣшительно. Развѣ не поучительно грѣшнику видѣть въ живыхъ примѣрахъ слѣдствія грѣховъ, — развѣ не утѣшительно видѣть, что были грѣшники и прежде меня, и тѣ, которые каялись, спасались? Это лучше можетъ предохранить отъ отчаянія.

отдается должное. теперь, говоримъ, подобныя возраженія не имѣютъ силы, тѣмъ болѣе, что различіе между еврейскимъ подлинникомъ и переводомъ 70 не простирается далѣе не очень многихъ мыслей или выраженій, да и здѣсь въ большей части случаевъ разность зависитъ отъ различнаго чтенія еврейскаго текста, которое было очень возможно въ то время, когда языкъ еврейскій съ грамматической стороны не былъ приведенъ въ нынѣшнее состояніе установленіемъ подстрочныхъ знаковъ. Притомъ, кто знакомъ съ дѣломъ, тотъ понимаетъ, что самые совершенные знатоки языка могутъ, при передачѣ съ одного языка на другой, не вполне и не совсѣмъ точно передавать мысль писателя. Это нисколько не служитъ въ предосужденіе греческому переводу 70 и нашему, сдѣланому съ него, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни одного мѣста, которое бы имѣя дѣйствительное догматическое или нравственное значеніе, передавалось иначе, съ нарушеніемъ истины. И съ другой стороны, что этотъ переводъ освященъ употребленіемъ въ церкви, нисколько не обязываетъ дѣлать русскій переводъ исключительно съ него одного. Въ церкви довольно одной назидательности, въ домѣ каждый въ правѣ желать яснаго пониманія читаемаго, съ возможностью переноситься мыслию къ тому времени, когда была писана та или другая книга; а этому прежде всего можетъ способствовать хорошій переводъ, сдѣланный съ подлинника. Впрочемъ, многократные опыты переводовъ съ еврейскаго языка показали, что лучшіе изъ этихъ переводовъ сохраняютъ средишу между теперешнимъ чтеніемъ еврейскаго текста и переводомъ 70. Долгъ позднѣйшихъ переводчиковъ пользоваться пособіемъ всѣхъ опытовъ доселѣ сдѣланныхъ и, не привязываясь ни къ одному, выбирать лучшее, сообразнѣйшее съ подлиннымъ текстомъ. Примѣ-

ромъ такого уваженія къ подлинному тексту и къ освященному употребленіемъ нашей церкви переводу 70 представляетъ образцовый переводъ книгъ пр. Исаіи и Іова, сдѣланный покойнымъ архимандритомъ Макаріемъ. За достоинство его перевода ручается его основательное знаніе еврейскаго языка, искреннее почтеніе къ преданіямъ церкви и горячая любовь къ народу, съ какою онъ желалъ сдѣлать всѣхъ участниками благочестиваго знанія, какимъ обладалъ самъ.

Наконецъ не малое преимущество нашего новаго перевода предъ другими европейскими и въ томъ, что почти вездѣ переводы на народныя языки происходили помимо и часто противъ воли церковной іерархіи, и отъ того дѣло, само въ себѣ прекрасное, служило выраженіемъ страсти; во многихъ мѣстахъ переводчики, раздраженные противъ католическаго духовенства, запрещающаго чтеніе св. писанія и утверждающаго, что только латинскій переводъ законный, старались, даже съ нарушеніемъ истины, передавать св. писаніе вопреки толкованіямъ отвергнутаго духовенства. У насъ напротивъ Это не есть какое нибудь частное предпріятіе одного или нѣсколькихъ ученыхъ, при чемъ всегда возможно увлеченіе какою нибудь предзанятою мыслию, неизбѣжны и недосмотры и несовершенства, свойственныя трудамъ человѣческимъ; нашъ переводъ появляется путемъ законнымъ, по благословенію и подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ предстоятелей русской церкви. Такое начало и продолженіе труда можетъ совершенно успокоить какой угодно колеблющейся умъ въ томъ, что всѣ возраженія, всѣ затрудненія въ дѣлѣ такой важности предусмотрены и устранены. Слѣдовательно, если и встрѣтятся какія-нибудь различія между старымъ и нынѣшнимъ переводами, то

они не должны смущать, потому что эти неизбежныя разности зрѣло обсуждены, и современемъ, можно надѣяться, съ распространениемъ въ народѣ чтенія и знанія св. писанія, читающіе будутъ имѣть самыя удовлетворительныя объясненія такихъ разностей, какъ и вообще все то, что должно служить къ лучшему и правильному разумѣнію слова Божія

Но пока это будетъ, появленіе русскаго перевода св. писанія возлагаетъ на священниковъ особенныя обязанности.

Нѣтъ сомнѣнія, что переводъ св. писанія на языкъ понятный для всѣхъ возбудитъ большую охоту къ чтенію его. Многіе, не читавшіе вовсе изъ боязни не понять славянскаго текста, не будутъ имѣть теперь предлога предъ своею совѣстію отказываться отъ чтенія; другіе, въ минуту пробужденія духовныхъ стремленій предпочитавшіе читать слово Божіе въ иностранныхъ переводахъ, языкъ которыхъ былъ знакомъ имъ болѣе славянскаго, также стануть читать на языкѣ отечественномъ. А общность языка, говорящаго всѣмъ одинаково о Богѣ, возбудитъ большую общность духа и любви. И вся Россія услышитъ *святыхъ Божіихъ челоувѣковъ*, проповѣдающихъ великія дѣла Божія собственнымъ ея языкомъ. Радость великая! Не напрасно въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ высказывались желанія имѣть полный русскій переводъ св. писанія. Всѣ хотять учиться. Дай Богъ! Но какъ бы легка ни была наука, она все таки имѣетъ такія стороны, которыхъ безъ учителя нельзя понять, или вовсе, или какъ должно. А изученіе слова Божія—наука вовсе не легкая, и понимать въ ней не такъ, какъ должно, хуже чѣмъ совсѣмъ не понимать. Итакъ нужно надѣяться, что искренно желающіе добраго знанія не захотять, при нѣкоторомъ

облегченіи средствъ изученія, отказаться отъ помощи учителей, — даже болѣе: это заставитъ ихъ чаще, нежели прежде, дѣлать св писаніе предметомъ разговоровъ съ учителями слова Божія — священниками. А, дѣло извѣстное, чѣмъ болѣе число учениковъ, чѣмъ охотнѣе они занимаются, и чѣмъ болѣе имѣютъ средства знать что нибудь помимо учителя, тѣмъ болѣе требуется отъ учителя, если онъ хочетъ съ достоинствомъ удерживать свое мѣсто.

Ожидаемая общедоступность божественныхъ книгъ требуетъ отъ священниковъ болѣе глубокаго и основательнаго знанія ихъ

Такое требованіе можетъ показаться инымъ, пожалуй, страннымъ, даже оскорбительнымъ. Неужели, скажетъ какой нибудь защитникъ чести лицъ духовныхъ, наши священники не имѣютъ и теперь такого знанія? Знаемъ, что, слава Богу, давно уже прошло время, когда священники знали только самыя необходимыя молитвы и обрядовую сторону богослуженія, что теперь всѣ священники болѣе или менѣе образованы; но, отдавая должное ихъ образованію, съ уваженіемъ смотря на просвѣщенную любознательность многихъ, мы повторяемъ, что отъ священниковъ, особенно теперь, требуется болѣе глубокое и основательное знаніе св. писанія. Пока книги св. писанія существовали у насъ только въ переводѣ славянскомъ, до тѣхъ поръ, не обвиняясь можно сказать, едвали многіе священники и сами прочли, хоть разъ въ жизни, всѣ книги св. писанія, не говорю уже о томъ, многіе ли внимательно останавливались мыслію и чувствомъ на читаемомъ. За это нельзя и винить ихъ строго; обремененные множествомъ разнообразныхъ обязанностей, даже тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ самый тѣсный кругъ дѣятельности, по необходимости изъ многого, относящагося

къ поддержанію духа, къ самоусовершенію, выбираютъ только самое необходимое, сообразуясь съ потребностями и своими и-своихъ прихожанъ. Потому и въ изученіи книгъ св. писанія останавливаются преимущественно на тѣхъ, которыя болѣе извѣстны прихожанамъ, слѣдовательно чаще подають поводъ къ вопросамъ и разсужденіямъ о значеніи того или другого мѣста.

Большая часть книгъ св. писанія, въ славянскомъ переводѣ, мірянамъ были вовсе неизвѣстны, другія были извѣстны только по имени, по отрывочному употребленію ихъ въ церкви. Даже и тѣхъ изъ нихъ, которые, по своимъ средствамъ и своему нравственному расположенію, могли имѣть и имѣли у себя въ домѣ св. біблію, отъ чтенія нѣкоторыхъ книгъ отстраняло предзанятое мнѣніе о непонятности ихъ, усиливается малымъ знакомствомъ съ славянскимъ языкомъ.

Конечно, съ устраненіемъ этой причины, для многихъ не устранятся вполнѣ всѣ причины неясности въ св. писаніи; но понятность буквы, при чемъ станетъ доступно чувству невыразимое изящество внѣшней формы св. писанія, привлечетъ къ внимательнѣйшему чтенію, а оно, въ свою очередь, объяснитъ то, что при поверхностномъ, отрывочномъ чтеніи или слушаніи оставалось недоступнымъ. За тѣмъ останутся не ясными такіа мѣста, для разумѣнія которыхъ нужны значительныя богословскія, историческія и другія свѣдѣнія. Эти-то свѣдѣнія и должны имѣть священникъ въ возможно-полной степени, чтобы не затрудняться въ отвѣтахъ всякому вопрошающему о настоящемъ смыслѣ и значеніи непонятныхъ мѣстъ писанія. Мы не говоримъ здѣсь о превосходствѣ разумѣнія духа писанія, которымъ отличались просвѣщенные благодатію Божіею подвижники вѣры и благочестія, къ стя-

жанію котораго священники также должны стремиться, но это достигается особенными путями, отличными отъ научнаго изученія, равно доступными и священнику и мірянину, если и тотъ и другой равно ревнують во благочестію. Но знаніе вѣдшее не можетъ быть равно доступно всѣмъ; отъ того — то злонамѣренность или полужнаніе и могутъ соблазнять неопытныхъ своими превратными толкованіями. Противъ такихъ — то толкованій, противъ возможности ихъ появленія священникъ долженъ быть всегда на стражѣ. Оружіемъ его должно быть знаніе, которое доставляетъ ему предварительно школа, а потомъ и самостоятельное изученіе, столь необходимое особенно въ настоящее время.

Говоримъ: особенно въ настоящее время существенная необходимость должна побудить священника продолжать изученіе писанія и средствъ къ уразумѣнію его. Если прежде можно было ограничиваться знаніемъ нѣкоторыхъ книгъ св. писанія, наиболѣе употребительныхъ, то теперь этого рѣшительно недостаточно. Давши взрослому человеку книгу въ руки, нельзя указывать ему, что бы онъ читалъ въ ней одно и не читалъ другаго. А кто можетъ предвидѣть, какая часть книги обратитъ на себя преимущественное вниманіе каждаго изъ прихожанъ въ то время, когда она будетъ равно доступна всѣмъ? Если и теперь встрѣчаются люди съ разными вкусами по отношенію къ св. книгамъ, — одни преимущественно любятъ читать евангеліе, другіе — книги ветхаго завета, иные — только книги таинственнаго содержанія, если и теперь, при очень ограниченномъ въ каждомъ приходѣ числѣ читателей св. книгъ, священникъ можетъ быть поставленъ въ затрудненіе неожиданнымъ вопросомъ о значеніи того или другаго мѣста въ св. книгѣ, съ которою онъ мало знакомъ; то чего же

ожидать тогда, когда доступность св. книг расположить къ чтенію ихъ многихъ, и притомъ не по выбору, а вполнѣ?

Положимъ, благоразумный священникъ, знакомый, хотя въ общихъ чертахъ, съ характеромъ каждой книги, можетъ давать удовлетворительныя объясненія на непонятныя мѣста; но это возможно только теперь, пока народъ всю причину непонятности видитъ въ буквѣ; когда же эта причина будетъ устранена, тогда и большая часть вопросовъ могутъ принять другое направленіе. А здравый смыслъ народа скоро можетъ понять, что тотъ, отъ кого онъ ожидаетъ разрѣшенія своихъ недоумѣній, самъ не твердъ въ главномъ предметѣ своего обязательнаго знанія.

О дай Богъ, чтобы наше слово было неурожимо съ этой стороны къ священникамъ, чтобы, размысливъ объ этихъ новыхъ требованіяхъ, возлагаемыхъ на нихъ самымъ существомъ дѣла, они не пожалѣли о прежнемъ порядкѣ вещей, о прежней тайнѣ знанія!

Но, насколько намъ извѣстны духъ и желанія нашихъ священниковъ, этого нельзя опасаться; они съ радостію за себя и за другихъ встрѣтятъ и съ молитвенною благодарностію примутъ это новое доказательство попечительности св. Синода о облегченіи средствъ къ духовному просвѣщенію жаждущихъ его; лучшіе изъ нихъ справедливо говорятъ, что, подавая пищу народу, нужно давать зерно чистое, а не скрытое въ непроницаемой для многихъ оболочкѣ непонятной и несовершенной буквы.

М. Г.

СВѢДѢНІЯ О СОСТОЯНІИ РАСКОЛА ВЪ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Расколъ старообрядства, возникшій первоначально въ кругу не многихъ людей, къ концу XVII столѣтія распространился во все концы Россіи. Преслѣдуемые правительствомъ, какъ враги церкви и общественнаго порядка, приверженцы раскола бѣжали въ отдаленныя мѣста, преимущественно сѣверной и сѣверо-восточной Россіи. Непроходимые лѣса и огромныя незаселенныя пространства служили безопаснымъ для нихъ убѣжищемъ отъ надзора правительства, а одноплеменность населенія подавала расколуочителямъ надежду на распространеніе раскола и матеріальную со стороны его (населенія) поддержку. Такихъ удобствъ гораздо менѣе представляла для раскольниковъ Русь юго-западная. Правда, нашедши покровительство у нѣкоторыхъ польскихъ помѣщиковъ, раскольники выговорили себѣ право селиться въ незанятыхъ мѣстахъ на принадлежащей имъ землѣ, но положеніе ихъ здѣсь было далеко не такъ выгодно, какъ въ Великороссіи. Живя отдѣльными слободами, они не имѣли никакой связи съ сосѣднимъ населеніемъ, которое чуждалось ихъ. Не одно только различіе въ языкѣ и образѣ жизни было причиною такихъ отношеній ихъ къ мѣстному населенію. Расколъ былъ чуждъ послѣднему по самому существу своему. Будучи явленіемъ, образовавшимся изъ историческихъ причинъ и условій жизни великорусскаго общества, онъ не возбуждалъ никакого сочувствія въ народѣ южно-русскомъ. Вотъ почему расколъ старообрядства, занесенный въ Русь юго-западную русскими выходцами, держится въ ней до сихъ поръ единственно между ними.

Разсадникомъ раскола въ юго-западной Руси были стародубскія слободы, гдѣ еще въ концѣ XVII столѣтія

поселились раскольники, бѣжавшіе изъ Великороссіи во время царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей. Отсюда многіе изъ старовѣровъ, въ слѣдствіе возникшихъ между ними несогласій, и ища болѣе спокойнаго убѣжища отъ преслѣдованія русскаго правительства, во второй половинѣ прошлаго столѣтія перешли въ кievскую епархію.

Въ настоящее время раскольниковъ, живущихъ въ кievской епархіи, считается до четырехъ тысячъ (1). Они живутъ по преимуществу въ трехъ мѣстахъ: 1) радомысльскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Чернобыль и слободахъ около него находящихся, 2) въ уѣздномъ городѣ Черкасахъ и 3) въ самомъ Кіевѣ.

Во времени поселенія древнѣе другихъ старообрядцы чернобыльскіе. Начало этому поселенію положили выходцы изъ Стародубья, простые мужики—Иларіонъ, по прозванью Коровьи Пожки, Никифоръ Ларіоновъ и Павелъ Григорьевъ, которые въ 1775 году отдѣлились отъ своихъ единовѣрцевъ, считая въ Стародубѣ спасеніе уже не возможнымъ, по той причинѣ, что единовѣрцы ихъ стали имѣть постоянное общеніе съ никоніанами. Отдѣлившись отъ своихъ братьевъ, они поселились въ мѣстечкѣ Чернобыль, въ предѣлахъ тогдашней Польши. Тогда же или вскорѣ къ нимъ присоединились и другіе выходцы изъ Стародубья, искавшіе безопаснаго убѣжища на случай преслѣдованія отъ русскаго правительства. Получивъ письменное дозволеніе отъ владѣльца Чернобыля, графа Ходькевича, они заселили на при-

(1) По десятой ревизіи показано раскольниковъ 1. въ г. Кіевѣ: торгующихъ на временномъ правѣ второй гильдіи 20 душъ обоюга пола,—третьей гильдіи 66 душъ об. п.; мѣщанъ въ Кіевѣ 179 душъ об. пол.; 2. въ черкасскомъ уѣздѣ: торгующихъ на временномъ правѣ второй гильдіи 44 душ., мѣщанъ 1,819-ть об. пола; 3. въ радом. уѣздѣ 1,461 д. обоюга пола.

надлежавшей ему землѣ слободы: Спасову, Красиловку и Замошье (1). Какъ постепенно усиливался здѣсь расколъ и возрастало число приверженцевъ его, по недостатку достовѣрныхъ современныхъ указаній, опредѣлить трудно. Въ настоящее время раскольниковъ числится: въ слободѣ Спасовой 470 душъ обоего пола, въ Красиловкѣ 819 и въ Замошьи 318 душъ. При недостаткѣ пахатной земли около слободъ этихъ и обилии лѣса, старообрядцы весьма мало занимаются земледѣльемъ, находя средства для существованія въ ремеслахъ. Съ давнихъ поръ въ слободахъ сихъ не было ни церквей, ни часовень, и старообрядцы для молитвы и совершенія требъ сходились въ два мужескіе монастыря и одинъ женскій, находившіеся не въ дальнемъ разстояніи отъ слободъ и основанные почти въ то время, когда раскольники тамъ поселились. Свои монастыри раскольники старались устроить по подобію православныхъ обителей. Надъ рѣкою Припетью, близъ Спасовой слободы былъ основанъ ими мужескій монастырь во имя св. Филиппа митрополита московскаго. Въ немъ была деревянная церковь, часовня и до ста пятидесяти келлій. Но не долго существовалъ монастырь этотъ. Рѣка, теченіемъ своимъ подмывая берега, разрушила келліи, угрожая и самой церкви. Уничтоживъ монастырь и отодвинувъ церковь далѣе отъ рѣки, раскольники обратили ее въ приходскую. Но и на новомъ мѣстѣ она существовала не долго. Когда рѣка стала угрожать ей разрушеніемъ, раскольники въ 1852 г. вынуждены были разобрать эту церковь до основанія, а иконы отдать въ православную черныбыльскую Ильинскую церковь; только антиминсъ они удержали у себя и пере-

(1) Изъ дѣл. кievск. дух. конс. по архив. N. 92-й 1829 г. л. о построен. въ Черноб. монаст. часовень.

несли его въ свой монастырь. Этотъ второй мужескій раскольническій монастырь расположенъ близъ слободы Замошья, на не большой равнинѣ среди дремучаго лѣса. Въ немъ нѣкогда была церковь Рождества Христова, монашествовавшіе имѣли отдѣльныя келліи и особый домъ для общей трапезы. Нынѣ же тамъ нѣтъ церкви, а есть новая часовня, устроенная въ бывшемъ трапезномъ домѣ, въ 1829 году, игуменомъ сего монастыря Салафіломъ (¹). Третій раскольническій монастырь, женскій, находится отъ мужескаго въ 8-ми верстахъ. Окончательное устройство свое онъ получилъ въ 1805 году. Прежде онъ имѣлъ пятьдесятъ отдѣльныхъ небольшихъ домовъ, служившихъ келліями, особую часовню во имя казанской иконы Богоматери, въ которую, кромя монахинь, собирались для молитвы большею частію всѣ женщины изъ сосѣднихъ слободъ. Начальство въ монастырѣ принадлежало игуменьѣ, которая однакоже принимала въ монастырь не иначе, какъ при общемъ согласіи всѣхъ монашествовавшихъ. Число монахинь было не ограничено (²). Первая игуменья, инокиня Ироида, устроивъ часовню, ввела порядокъ въ монастырѣ. При послѣдней игуменьѣ Саломіи, въ 1829 году, старая монастырская часовня вновь перестроена съ прибавленіемъ двухъ клиросовъ и украшена иконами (³). Въ настоящее время, поелику правительство не дозволяетъ раскольникамъ производить новыхъ построекъ и съ другой стороны, слѣдить

(¹) Свѣденія эти заимствованы изъ дѣл. кievск. дух. консист. о построен. близъ Черноб. старообрядч. часовень по архив. N. 92-й 1829 г. дек. 5.

(²) Оно было различно въ разныя времена, отъ 20 до 30 монахинь. Въ 1829 году, по донесенію радомысльскаго земскаго суда, монахинь и послушницъ было 23, кромѣ игуменьи.

(³) Изъ дѣл. к. д. конс. по архив. N. 92-й 1829 года.

зорко, чтобы они не укрывали у себя бѣглыхъ священниковъ, привязанность ихъ къ монастырю значительно охладѣла.

Почти въ то же время, т. е. по разореніи Вѣтки, поселились раскольники близъ Черкасъ. Въ 1782-мъ году, по договору съ княземъ Любомирскимъ, они поселились по рѣкѣ Тясминѣ, за мѣстечкомъ Смѣлымъ, образовавъ слободу, получившую названіе Гречковки. Они были надѣлены пахатною землею, которая обильно вознаграждала земледѣльческіе труды ихъ, и за то обязались вносить ежегодно въ экономію владѣльца окладъ (по 827 рубл. ассигн.), имъ назначенный. Когда число жившихъ тамъ раскольниковъ увеличилось новыми переселенцами, бѣжавшими съ разныхъ сторонъ, они начали селиться въ близкихъ мѣстахъ. Въ 1800-мъ году возникло общество мѣщанъ-раскольниковъ въ самомъ городѣ Черкасахъ и мѣстечкѣ Смѣломъ. Слобода Гречковская служила центромъ всѣхъ раскольниковъ черкасскихъ. Изъ лѣса, выговореннаго условіями у владѣльца, они на собственный счетъ выстроили церковь во имя св. Алексѣя человека Божія, въ которой бѣглые священники по старымъ книгамъ отправляли богослуженіе и совершали требы для всѣхъ сосѣднихъ раскольниковъ (1). Въ 1795-мъ году земля, на которой поселились гречковскіе старообрядцы, перешла во владѣніе новаго помѣщика, графа Самойлова. Находя недостаточнымъ окладъ, вносимый раскольниками въ экономію за владѣемые ими земли, онъ потребовалъ значительнаго увеличенія его. Тѣснимые имъ старообрядцы подали жалобу въ Сенатъ, прося дозволенія на переселеніе ихъ въ другое мѣсто. По окончаніи тяжбы этой, продолжавшейся тридцать пять лѣтъ, они всѣ были

(1) Свѣденія эти заимствованы изъ урядовой копіи указа кievск. губериск. правлен. 23 іюня 1828 года за N. 28,384.

переселены въ городъ Черкасы и включены въ общество тамошнихъ мѣщанъ. Число переселившихся простиралось до восьми сотъ душъ обоего пола (¹). Они хотѣли перенести и церковь свою, но, по претензіямъ владѣльца и еще болѣе потому, что духовное начальство сего не дозволило, оставили ее въ слободѣ Гречковкѣ, забравъ только утварь церковную и ризницу. Лишившись церкви, они сходились для молитвы въ двѣ часовни, построенныя еще до переселенія ихъ раскольниками города Черкасъ въ двухъ монастыряхъ, находившихся вблизи, въ мужескомъ и женскомъ. Первый изъ этихъ монастырей былъ основанъ въ 1809-мъ году и состоялъ изъ 16-ти монаховъ и 18-ти послушниковъ, а второй въ 1812-мъ году и заключалъ до 30-ти монашествующихъ (²). Такъ какъ небольшая часовня, находившаяся въ мужескомъ монастырѣ, могла вмѣщать только малое число раскольниковъ, то они обманомъ, вопреки запрещенія начальства, расширили ее въ 1832-мъ году. Подъ видомъ построенія школы для обученія дѣтей, они пристроили къ ней значительную часть вновь и преобразовали старую (³). Часовня эта существуетъ и до сихъ поръ. Раскольники совершаютъ въ ней вечерню, полунощницу и часы.

Поселеніе старообрядцевъ въ Кіевѣ было не одновременно. Большая часть ихъ была привлечена въ Кіевъ торговыми видами въ разныя времена и изъ разныхъ губерній Россіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія кіевскіе

(¹) Изъ донесенія 1817 г. 19 апр. игумена жаботинскаго монастыря Вареоламея Серапіону, митрополиту Кіевскому.

(²) Тамъ же.

(³) Изъ дѣла к. д. конс. о постр. черкасск. старообр. часовни по архив. N. 215 1832 г. окт. 17.

старообрядцы, при малочисленности своей, не составляли еще отдѣльнаго общества, не имѣли общаго молитвеннаго дома. Вблизи гражданскихъ и духовныхъ властей они не могли нарушать узаконеніе, не позволяющее имъ *никакихъ публичныхъ собраний къ соблазну православныхъ*. Послѣ пожара, истребившаго въ 1811-мъ году подольскую часть Кіева, въ добро-николаевскомъ приходѣ въ новоустроенномъ домѣ была основана нѣсколькими раскольническими семействами, секретно и безъ дозволенія начальства, часовня, въ которой они тайно совершали молитвы. Отличавшійся особенною приверженностію къ расколу купецъ Поповъ пріобрѣлъ этотъ домъ въ собственность, и модельню, бывшую въ немъ, обратилъ въ общую часовню для всѣхъ въ Кіевѣ старообрядцевъ. Въ 1826-мъ году на часовнѣ этой былъ утвержденъ осьмиконечный крестъ, и раскольники стали открыто совершать въ ней общественное богослуженіе. Епархіальное начальство, руководствуясь постановленіями (1817 г. 22-го дек. и 1818 г. 21 февр.), запрещающими раскольникамъ устроеніе домовъ для общественныхъ собраний, относилось къ мѣстнымъ властямъ гражданскимъ, проси содѣйствія ихъ къ уничтоженію часовни. Но въ перепискѣ по этому дѣлу прошло много времени; раскольники пріобрѣли чрезъ то для своей часовни право давности, на основаніи котораго она существуетъ до настоящаго времени.

Всѣ старообрядцы, живущіе въ кіевской епархіи, принадлежатъ къ поповщинской сектѣ. Первоначально они принимали къ себѣ бѣглахъ священниковъ и исключительно изъ Великороссіи (1) Священники эти, извлекая выгоды

(1) По донесенію черкаскаго дух. правленія, въ черкасскомъ мужескомъ старообрядческомъ монастырѣ отправлялъ службы

изъ своего положенія, сильно способствовали къ поддержанію раскола. Въ настоящее время, не нуждаясь въ бѣглыхъ священникахъ, они укрываютъ у себя поповъ, рукополагаемыхъ въ Буковинѣ раскольническимъ епископомъ. Только черныбыльскій мужескій монастырь не принимаетъ и этихъ священниковъ на томъ основаніи, что „иноцы сами себѣ суть священники.“ Кромѣ общихъ заблужденій поповщинской секты, принадлежащія къ черныбыльскому согласію имѣютъ свои особенныя, мѣстныя. Такъ 1), перекрещивая всѣхъ желающихъ вступить въ ихъ общество, они помазываютъ крещаемого масломъ, называя оное древнимъ муромъ. Крещеніе совершаютъ по требнику, изданному до патріарха Никона, „черезъ отрицаніе, погруженіе, обхожденіе около купели, чтеніе Апостола, Евангелія и исповѣданія вѣры“ (1). За неизвѣніемъ священника они допускаютъ приносить покаяніе и простому человѣку, даже принимаютъ и самопокаяніе. „Подобаетъ брату искуснѣйшему,“ сказано въ ихъ требникѣ, „возвѣстити согрѣшенія своя. Аще же не случится человѣка такова, ему же бы исповѣдати своя согрѣшенія, тогда исповѣждь грѣхи своя предъ образомъ Божиимъ.“ Въ случаѣ нужды допускаютъ и приобщеніе безъ священника, для чего въ требникѣ положили особый „чинъ, како подобаетъ самому себе причастити пречистыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ нужды ради великія не сущу священнику.“ Другія заблуж-

называвшій себя бѣглымъ священникомъ костромской губерніи села Ивановца николевской церкви Василій Яковлевъ Фоваритовъ, а въ женскомъ—калужской губерніи Семенъ Кольцовъ. Реп. черк. д. правл. по архиву N. 85-й 1855 г. По донесенію радымысльскаго духовнаго правленія, у раскольниковъ черныбыльскихъ совершалъ требы бѣглый священникъ изъ Великоросіи Аѳанасій Іоанновъ. По арх. К. д. кон. N 39-й 1802 г.

(1) Тамъ же.

денія, которыми отличались прежде чернобыльцы отъ прочихъ раскольниковъ поповщинскаго толка (1), въ настоящее время отвергнуты ими. Они принимаютъ теперь присягу, но только на своемъ старинномъ евангеліи, молятся за Государя, называя его благовѣрнымъ, поклоняются осьмикопечному кресту и безъ изображенія на немъ распятаго Спасителя.

Присматриваясь къ современному состоянію указанныхъ нами раскольниковъ, нельзя не видѣть, что положеніе ихъ въ настоящее время во многомъ отличается отъ первоначальнаго. Время и обстоятельства охладили слѣдную приверженность ихъ ко многимъ прежнимъ заблужденіямъ, а вліяніе и увѣщанія православныхъ пастырей содѣйствовали возвращенію въ нѣдра православной церкви не малаго числа заблуждшихъ. Съ 1833-го года нѣкоторые изъ раскольниковъ, живущихъ въ Кіевѣ, приняли единовѣріе. Они принадлежатъ къ приходу черниговской казанской единовѣрческой церкви, священники которой ежегодно въ великій постъ пріѣзжаютъ въ Кіевъ съ запасными святыми дарами, совершая въ это время у нихъ и всѣ требы. По исповѣднымъ росписямъ черниговской единовѣрческой церкви, ихъ числится въ Кіевѣ въ шести семействахъ 25 душъ обоюго пола. Въ 1855-мъ году нѣсколько купцовъ старообрядцевъ изъявили желаніе присоединиться къ единовѣрцію, прося о дозволеніи имѣть въ самомъ Кіевѣ единовѣрческую церковь. Мѣстное духовное начальство, имѣя въ виду, чтобы къ единовѣрческой церкви, которую предполагается устроить въ Кіевѣ, принадлежали, если возможно, всѣ раскольники, составляющіе приходское обще-

(1) Макар. ец. вин. истор. р. раск. стр. 313-я.

ство часовни, признало полезнымъ усугубить духовно-нравственное вліяніе на нихъ чрезъ священниковъ, въ приходахъ коихъ живутъ они. Нельзя не пожелать успѣха пастырямъ церкви, которые, при помощи Божіей, увѣщаніями, совѣтами и благоразумными дѣйствіями своими могутъ привлечь къ единенію съ святою церковію заблуждающихъ.

П. И-ць.

О П Е Ч А Т К И

Въ 16-мъ № Руководства для сельскихъ пастырей.

Напечатано:

Должно читать:

стр. 425	стр. 14	прямыя къ такому	прямыя указанія къ такому
стр. 427	стр. 4	событія	событій
—	стр. 31	Gloss	Slow.
стр. 431	стр. 17	всѣхъ книгъ	всѣхъ священныхъ книгъ
стр. 433	стр. 19	въ 868	въ 862
стр. 434	стр. 31 (39)	стр. 200	(39) на стр. 200.

Печатать дозволяется. Киевъ 1860 г. Іюня 29 дня. Ценсоръ,
Священникъ А. Колосовъ.